

S.A. Davydov, V.I. Sigov, A.M. Rogova
SOCIAL MODERNIZATION AND REVIVAL
OF PRINCIPLES OF SOCIETAL ECONOMY

Sergey Davydov – professor, the Department of Sociology and Psychology, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, St. Petersburg; **e-mail: licurg@inbox.ru**.

Victor Sigov – Head of the Department of Labor Economics, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, St. Petersburg; **e-mail: dekanat205@mail.ru**.

Anna Rogova – senior teacher, the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University of Economics, PhD in Sociology, St. Petersburg; **e-mail: anna.rogova.spb@yandex.ru**.

We consider the process of transformation of the modern economic system that fits in the theoretical scheme of social modernization. Nevertheless, the revival of certain principles that served as the basis for traditional society and societal economy may turn to be an unexpected result of the renovation of the social and economic sphere.

Analyzing the historic experience, we prove the idea that social modernization does not have to destroy traditional institutions and culture. In some sense, it can be a sort of “second wind” re-viving the principle of societal economy and giving it a new sense.

Keywords: social modernization of society; capitalism; societal economy; traditional society; industrial society.

С.А. Давыдов, В.И. Сигов, А.М. Рогова
СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ
ПРИНЦИПОВ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сергей Анатольевич Давыдов – профессор кафедры социологии и психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», доктор социологических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: licurg@inbox.ru**.

Виктор Ивглафович Сигов – зав. кафедрой экономики труда ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», доктор социологических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dekanat205@mail.ru**.

Анна Михайловна Рогова – старший преподаватель кафедры теории и практики социальной работы ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат социологических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: anna.rogova.spb@yandex.ru**.

В статье рассматривается процесс трансформации современной хозяйственной системы, который вписывается в теоретическую схему социальной модернизации. Однако неожиданным результатом процесса обновления социально-экономической сферы может оказаться возрождение ряда принципов, на которых были основаны традиционное общество и социетальная экономика.

На основе анализа исторического опыта обосновывается тезис о том, что социальная модернизация совсем не обязательно должна разрушать традиционные институты и культуру. В определенной мере она даже придает им «второе дыхание», возрождая принципы социетальной экономики и наполняя их новым содержанием.

Ключевые слова: социальная модернизация общества; капитализм; социетальная экономика; традиционное общество; индустриальное общество.

Согласно распространенным представлениям, процесс трансформации современной хозяйственной системы хоро-

шо согласуется с интеллектуальными построениями теории социальной модернизации. Однако неожиданным результатом

протекания этого процесса может оказаться возрождение ряда принципов, на которых были основаны традиционное общество и социетальная экономика, и которые, как казалось, окончательно ушли в прошлое в индустриальном обществе XIX – начала XX веков.

В то время понятие социальной модернизации наполнялось эволюционистским смыслом и интерпретировалось как «повышение сложности общественной организации в результате роста структурной и функциональной дифференциации, возникновения новых форм интеграции, увеличение адаптивной способности данного общества» [12. С. 450]. Соответственно, ученые полагали, что рост дифференциации общества мог наблюдаться в ходе преобразования общества из состояния «традиционного» в новое состояние «индустриального общества», обеспечивающего свободу личности, развитие науки и техники, ускоренный рост производительных сил. Так, в своем исследовании «Об индустриальной системе» Сен-Симон отмечал закономерность наблюдающегося в XVIII – начале XIX веков в развитых Европы «переходе от феодальной и теологической системы к промышленной и научной, (который он считал – Авт.) ...великой социальной реорганизацией, подготовленной постепенно всем развитием цивилизации» [11. С. 5]. Принято было считать также, что прогрессивные формы социальной организации индустриального общества, однажды возведенные на культурном и хозяйственном фундаменте наиболее развитых европейских стран, при известных обстоятельствах, могут быть переняты и другими, относительно менее развитыми обществами вследствие их экономических и культурных контактов с лидерами индустриального мира [7].

Надо отметить, что социальная модернизация не только меняла облик экономики, но приводила к социальным и культурным изменениям. С наступлением капитализма неизменным условием успешности хозяйственного агента становилась его нацеленность на получение дохода, его эгоизм и рационализм, его спо-

собность абстрагироваться от роли агента традиционных социальных отношений. Поэтому из хозяйственной сферы стали вымываться установки и практики, которые были естественными для прежнего традиционного образа жизни и традиционного хозяйства, но в новых условиях становившиеся помехой достижению экономического результата. Процесс коренной ломки хозяйственной культуры не остался незамеченным представителями общественной науки. Например, В. Зомбарт так сравнивал типичного представителя традиционного и общества с человеком капиталистической эпохи, образ жизни традиционного и модернизированного общества: «Докапиталистический человек – это естественный человек. Человек, который еще не балансирует на голове и не бегаёт на руках, как это делает экономический человек наших дней, но твердо стоит на земле обеими ногами и на них ходит по свету. Найти его хозяйственный образ мыслей поэтому нетрудно: он как бы сам собою вытекает из человеческой природы. <...> Основная черта докапиталистической жизни есть черта уверенного покоя, свойственная всякой органической жизни. <...> (Однако в результате индустриализации – Авт.) этот покой превращается в беспокойство, <...> общество из принципиально статического развивается в принципиально динамическое» [6. С. 12, 19].

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с парадигмой социальной модернизации XIX века процесс индустриализации имеет универсальную логику, которая неотвратимо «ведет общества к увеличению сходства (конвергенции) в основных институтах, как бы ни различались они первоначально. Чем выше индустриализованы общества, тем больше тяготеют они к единообразию индустриального порядка» [12. С. 114]. Из этого вытекало, что те общества, которые стремились сохранить свои традиционные институты, не могли рассматриваться как имевшие исторические перспективы. Напротив, такое их стремление обрекало их на отсталость и отбрасывало на периферию экономической и социальной жизни.

Однако с начала XIX века отношение ученых к роли традиционных институтов в процессе социальной модернизации начинает меняться. Новая научная парадигма основывалась на утверждении Огюста Конта, который полагал: «Вселенная должна изучаться не ради ее самой, но ради человека или ради человечества. Всякое другое намерение так же мало отличалось бы мудростью, как и нравственностью. Ибо наши реальные умозаключения могут быть поистине удовлетворительными лишь поскольку они субъективны, а не чисто объективны, то есть когда они ограничиваются исканием во внешней среде законов, которые более или менее непосредственно действительно влияют на наши судьбы» [10. С. 72–73].

Понимание важности институтов традиционного общества, их позитивного влияния на развитие экономики нашло свое отражение в многочисленных трудах социологов и экономистов конца XIX – начала XX веков, ставших ныне классическими. В их числе «Общность и общество» Фердинанда Тенниса [13], «Древнее общество» Льюиса Моргана [9], «О разделении общественного труда» Эмиля Дюркгейма [5], «Буржуа» Вернера Зомбарта [6], «Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары» Карла Поланьи [17] и многие другие работы. Их авторы считали, что роль традиционных институтов сложно переоценить хотя бы потому, что «будучи лишены защитного панциря культурных институтов человеческие существа погибнут от социальной обнаженности; они умрут как жертвы этого социального сдвига от своих пороков, извращений, преступлений и истощения» [17. Р. 72–73] Более того, в их работах содержится ясное указание на то, что социальный прогресс не следует связывать с деконструкцией институтов и культуры традиционного общества. Напротив, идея развития не противоречит, а скорее соответствует новое воплощение прежних принципов организации экономической, социальной и культурной жизни. В связи с этим Л.Г. Морган формулирует следующую оценку происходящих в общест-

ве изменений и свой прогноз на будущее. «Время, прошедшее с наступления цивилизации, – пишет он, – это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением – но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов» [8. С. 269].

В ходе современных исследований было установлено, что прогноз Моргана отчасти оказывается уже воплощенным в реальности, а процессы социальной модернизации не только не способствуют разрушению, но даже в определенной мере придают второе дыхание принципам социетальной экономики, наполняя их новым содержанием [3].

В частности, повышение той значимости групповых интересов в хозяйственной сфере, которая была свойственна традиционному обществу, приводит к повышению социального контроля над экономическим действием. Наметилась эта тенденция еще в середине XX века в связи с необходимостью привлечения капиталоемкими предприятиями широких инвестиций с фондового рынка. В этих случаях держателями акций становились большие группы населения, что, по словам Д. Белла, на деле стало результатом «молчаливой» антикапиталистической революции [3].

Нетипичным для капитализма и, скорее, свойственным традиционному хозяйству, стало более широкое, чем прежде задействование социального капитала при реализации хозяйственных целей. Инвестиции в человеческий капитал доказали свою продуктивность еще в период ранних государств [2]. Однако на деле эти практики не были востребованы в услови-

ях трудоизбыточного капитализма XIX века, ставившего наемного работника в положение «несчастливого резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации» [8]. И только в начале XX века хозяева средств производства начали ощущать, что прежний путь, допуская узкую специализацию и беспощадную эксплуатацию работника, ведет в тупик, поскольку это подрывало трудовую мотивацию работников и в итоге снижало прибыльность капиталистического предприятия. Именно поэтому с середины XX века, по словам Ю. Хабермаса, «тяготы, связанные с самим характером наемного труда, облегчаются... Роль работающего по найму теряет свои болезненно пролетарские черты благодаря непрерывному повышению жизненного уровня...» [16. Р. 516].

Еще одним современным «проростком» социетальной экономики является явно наблюдающееся на практике распространение сетевых структур, способствующих повышению степени социальной «укорененности» экономического действия. Участие экономических агентов в деятельности персонифицированных сетевых структур, очевидно, приводит к повышению значимости социальных критериев в принятии экономических решений. Это коренным образом противоречило основным экономическим тенденциям XIX века. Однако с середины XX века рациональный «рыночный» расчет стал побуждать хозяйственных агентов искать пути вхождения в «развитые структуры слабых связей-мостов <...>, порождая (в сети – Авт.) чувство единого сообщества» [1. С. 43]. По мнению Б. Уци, вхождение в подобные сетевые структуры «смещает хозяйственную мотивацию акторов от узкой направленности на сиюминутную экономическую выгоду в сторону обогащения отношениями доверия и реципрокности (позволяющими – Авт.) <...> снизить транзакционную неопределенность» [14. С. 213].

Подводя итог, отметим, что в период своего становления процесс социальной модернизации диктовал обществам необ-

ходимость становиться на путь экономической унификации и породил отрыв экономики от общества. Однако на новом витке культурного и технологического развития он порождает новые тенденции, связанные с возрождением ряда принципов социетального хозяйства, свойственного традиционному обществу. Сегодня многие руководители производства приходят к выводу, что «возможно, было бы лучше пожертвовать некоторой долей эффективности в распределении ресурсов, достигаемой с помощью рыночного механизма, но поддерживать производственную этику и направлять потоки человеческих талантов в более приемлемое русло. Конечная выгода от этого лишь возрастет, поскольку частично принесенная в жертву рыночная эффективность будет более чем адекватно компенсирована усилением других видов эффективности, проистекающей от более защищенной и стабильной жизни людей, их возможности сотрудничать и верить друг другу» [4. С. 76].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. Сентябрь. С. 31–50.
2. Давыдов С.А. Зарождение мобилизационного императива в хозяйственной культуре Древнего Египта: гипотеза демографического давления // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 126–135.
3. Давыдов С.А. Принципы социетальной экономики: прошлое и будущее // Общество и экономика. 2014. № 12. С. 86–101.
4. Дор Р. Различия японской и англосаксонской моделей капитализма // Анализ рынков в современной экономической социологии. М.: Издат. дом ГУВШЭ, 2007. С. 63–79.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
6. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Терра, 2009. 576 с.
7. Иванов В.Н. [и др.]. Социологичес-

- кая энциклопедия. В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 694 с.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45.
9. *Морган Л.Г.* Древнее общество. Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР, 1934. 350 с.
10. Родоначальники позитивизма. Вып. 4. Огюст Конт. СПб., 1912. 368 с.
11. *Сен-Симон А.К.* Избранные сочинения / пер. с фр. Т. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 427 с.
12. Современная западная социология: словарь / сост. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1990. 450 с.
13. *Теннис Ф.* Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
14. *Уци Б.* Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Анализ рынков в современной экономической социологии. М.: Издат. дом ГУВ-ШЭ, 2007. С. 208–251.
15. *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1965. 512 p.
16. *Habermas Y.* Theorie der Kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft 2. Bde. 3, durch. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985. Bd. 2. 516 с.
17. *Polany K.* The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money / K. Polany. The Great Transformation. N.Y.: Farrar & Rinehart, Inc., 1944. P. 68–76.